

Засланный казачок

Александр Кибовский

Для атрибуции портрета важное значение имеют сведения о его авторе, если, конечно, он известен. Ведь для появления картины художник и его персонаж должны встретиться. И вот тут как раз данные о том, где жил и работал мастер, могут помочь определить личность того, кого он изобразил.

В Новосибирском государственном художественном музее хранится замечательный портрет неизвестного офицера, выполненный в 1852 году великим Василием Андреевичем Тропининым. Картина была приобретена для музея в 1958 году Министерством культуры РСФСР как «Мужской портрет (Раевский)». Вероятно, фамилия персонажа появилась из-за внешнего сходства офицера с Владимиром Артемьевичем Раевским на тропининском портрете 1846 года. Но в 1980-х годах старший научный сотрудник новосибирского музея Ольга Черепенина опровергла версию о Раевском, поскольку на портрете изображён казачий полковник. Раевский же служил в конной гвардии и вышел в отставку ещё 5 декабря 1834 года поручиком. В результате имя персонажа оставалось неизвестным.

Полковник Давыд Стахеевич Мизинов. Василий Тропинин, 1852 год. Холст, масло. 79 x 65 см. Новосибирский государственный художественный музей. Ранее: Портрет полковника Уральского казачьего войска

Казак и обер-офицер лейб-гвардии Уральской казачьей сотни. Раскрашенная литография по рисунку Д. Монтена 1837–1838 годов. Частное собрание

На овальном портрете изображён выдававший виды казачий офицер в тёмно-синем чекмене с серебряными полковничьими эполетами. К сожалению, трудно понять, является ли воротник чекмена просто тёмно-синим или на нём есть голубая выпушка. Зато хорошо виден голубой подбой эполет и воротника шинели. Такую форму в 1852 году носили офицеры лейб-гвардии Уральского казачьего дивизиона, Атаманского Его Императорского Высочества наследника цесаревича полка, а также Дунайского и Уральского казачьих войск.

На шее полковника выделяется орден Святой Анны 2-й степени с императорской короной. К сожалению, трудно судить о других наградах офицера. Поскольку чекмень не был парадной формой, а заменял у казаков сюртук, то при нём надевали не все знаки отличия, а только старший шейный орден. Кроме него, георгиевские кавалеры обязательно носили ещё свой белый крест, выполняя завет основательницы ордена Святого Георгия Екатерины Великой: «Сей орден никогда не снимать, ибо заслугами оный приобретается». Такое же правило ввёл Александр I и для офицеров, получивших в начале службы солдатский знак отличия военного ордена Святого Георгия. В результате, глядя на портрет, можно лишь утверждать, что в 1852 году данный полковник не имел Георгиевских крестов, а также более высоких орденов, чем «Анна на шее».

В эпоху Николая I чин полковника являлся для казачества очень высоким. Давно прошли те времена, когда юноши из казацкой старшины получали благодаря влиятельной родне полки в 15–16 лет и стремительно делали карьеру. Наведение регулярного порядка среди казаков существенно ограничило прежние вольности и сделало полковничий чин доступным лишь в результате долгой и усердной службы.

Георгиевские кавалеры обязательно носили свой белый крест

Согласно печатному списку полковников на 1852 год, в это время во всех казачьих частях проходил службу лишь 51 полковник, из которых 36 числились в самом массовом Донском войске. Применительно же к нашему портрету вообще подходят только четыре человека: атаманец Дмитрий Жиров и три уральца — Давыд Мизинов, Антип Назаров и Пётр Меркульев. Внешность Жирова и Меркульева нам известна благодаря кар-

Полковник Дмитрий Иванович Жиров.
Фрагмент картины Адольфа Гебенса 1857 года
ГМЗ «Царское Село»

Полковник Пётр Ермолаевич Меркулев.
Фрагмент картины Адольфа Гебенса 1858 года
ГМЗ «Царское Село»

тинам Адольфа Гебенса, хранящимся в Царском Селе. Тем не менее трудно судить об их сходстве с образом на тропининском портрете — какие-то черты похожи, какие-то нет. Более объективным признаком являются награды. Меркулев в это время их вообще не имел, а Жиров и Назаров были кавалерами ордена Святой Анны 2-й степени без императорской короны.

Таким образом, на картине должен быть изображён Давыд Стахеевич Мизинов, который действительно ещё 3 сентября 1851 года получил «Анну на шею» с императорской короной. Но точно ли это он? А вдруг это вообще какой-то отставной полковник, который просто решил запечатлеть себя для потомков в форме с эполетами? Как убедиться, что предложенная версия верна?

Вот тут самое время вспомнить, что в 1850-е годы Василий Андреевич Тропинин жил и работал в Мо-

скве. То есть наш полковник должен был каким-то образом из Уральска попасть в Первопрестольную. Но зачем? Ведь служебные дела решались в Петербурге. Кто и для чего послал его в Москву? По дороге проездом можно было заказать акварель, миниатюру, но уж никак не станковый большой портрет. Да и каким проездом? Не так уж часто казаки отправлялись в далёкую столицу. Согласно хранящимся в Центральном государственном архиве города Москвы книгам учёта подорожных, выданных канцелярией московского воен-

В 1850-е годы Тропинин жил и работал в Москве

ного генерал-губернатора, никакие уральские полковники через Москву в 1852 и 1853 годах не проезжали.

Разъяснить ситуацию мне помог ведущий специалист по истории Уральского казачьего войска Сергей Васильевич Картагузов. В архивах ему удалось найти много документов о семье офицеров Мизиновых, в том числе и о Давыде Стахеевиче. Выяснилось, что в 1852 году он действительно находился в Москве! По решению Николая I с 1837 года в Первопрестольной нёс охранную службу сводный казачий полк Отдельного Оренбургского корпуса, составлявшийся поровну из сотен от Оренбургского и Уральского казачьих войск. Вот этим-то самым полком в 1845–1853 годах и командовал в Москве Давыд Мизинов.

Окончательно подтвердил атрибуцию портрет Мизинова, помещённый в 1898 году в юбилейном издании «Исторический очерк столетия Лейб-гвардии Уральской казачьей сотни».

Ротмистръ Давыдъ Стахѣвичъ Мизиновъ.
(Въ его командованіе пожалованы сотнѣ права молодой гвардіи).

Из издания: Мартынов Н. П.
«Исторический очерк столетия
Лейб-гвардии Уральской казачьей
сотни». СПб., 1898 год

Это изображение, по всей видимости, было сделано по отретушированной фотографии 1860-х годов. Тем не менее сходство Мизинова с полковником на тропининском портрете очевидно.

Для юбилейной книги Мизинова изображали с погонями полковника, хотя после разжалования он их так и не заслужил и умер в чине сотника. Само собой, в памяти гвардейских уральцев нет ни слова о печальной судьбе их бывшего командира.

Надо заметить, что заказ живописного портрета был совсем не дешёвым удовольствием. Хотя Тропинин брал за свой труд гораздо скромнее столичных знаменитостей, но тоже немало — 350 и более рублей. Это почти годовой бюджет титулярного советника Акакия Акакиевича Башмачкина, для которого заветной мечтой являлась шинель за 80 целковых, ради чего он голодал и сидел в темноте без свечей. Кстати, сослуживцы ограбленного Башмачкина не смогли собрать ему денег, «потому что чиновники и без того уже много истратились, подписавшись на директорский портрет». Ведь столь дорогое произведение обычно заказывали к какому-то важному событию. Скорее всего, и Мизинов обратился к Тропинину за портретом, чтобы отметить своё грядущее 50-летие. ▽

Автор — кандидат исторических наук, руководитель Департамента культуры города Москвы

ДАВЫД СТАХЕЕВИЧ МИЗИНОВ родился в 1803 году в семье есаула Стахей Дмитриевича Мизинова, командовавшего в 1814–1817 годах лейб-гвардии Уральской казачьей сотней. Уже в 12 лет отец определил сына к себе в придворную сотню урядником, а через год, 7 ноября 1816-го, Давыд получил первый офицерский чин хорунжего. Юноша быстро продвигался по службе. В 17 лет он уже был сотником, а в 21 год есаулом. В 1828–1830 и в 1833–1844 годах Мизинов командовал лейб-гвардии Уральской сотней, став достойным пре-

емником своего отца. 31 июля 1845 года Мизинов был произведён в полковники. В 1845–1853 годах он командовал сводным казачьим полком Отдельного Оренбургского корпуса в Москве. Но тут блестящая карьера Мизинова оборвалась самым неприятным образом. Он был обвинён в хищениях довольствия, фуража и казённых денег своего полка, отдан под суд и 25 июля 1856 года разжалован императором в рядовые казаки с лишением чинов, орденов и дворянства. Пришлось Мизинову начинать службу заново в Уральском

городовом полку. Только 8 сентября 1859 года он вновь, через 43 года, был произведён в хорунжие. К этому времени два его сына, Александр и Алексей, уже служили в более высоких чинах, чем разжалованный отец. В 1859–1861 годах Мизинов являлся смотрителем за лесами Уральского войска, а в 1864 году был назначен ассессором Уральского войскового суда. 9 августа 1866 года, спустя 45 лет, Мизинов вновь получил чин сотника. С 1871 года он числился в линейной страже Уральска. Умер 4 декабря 1872 года от хронической болезни лёгких.